

Госпожа Сунь была самой красивой женщиной в императорском гареме, и Ци Юйси, унаследовавшая её черты, хоть и была ещё ребёнком и одета как мальчик, уже выглядела как будущая красавица. Когда её большие, влажные глаза остановились на императрице Ван, а её детское лицо, как ни старалось, не могло выглядеть серьёзным, сердце императрицы растаяло, и она невольно захотела родить такого же милого и красивого ребёнка, чтобы заботиться о нём.

Ци Юньхэн у кровати тоже был тронут выражением лица Ци Юйси, но его мысли обратились к племяннице Оуяна, Оу Цзин. Когда Оуян забрал её к себе, она была чуть старше нынешней Ци Юйси, но её характер был совершенно иным. Оу Цзин выглядела глуповатой, но была очень хитрой, никогда не позволяла себя обижать и знала множество способов пожаловаться. Если бы она соревновалась с женщинами его гарема, они бы, вероятно, не смогли с ней справиться.

Думая об этом, Ци Юньхэн не удержался и сказал несколько слов.

— В любом случае, тебе стоит научиться говорить, выражать то, что тебе не нравится или что ты не хочешь делать. Даже если это не решит проблему, лучше сказать, чем держать в себе, чтобы никто не знал и не мог помочь, — серьёзно сказал он. — Помни, что плачущий ребёнок получает сладости и молоко. Если в будущем с тобой будут плохо обращаться, сразу жалуйся отцу. Даже если матушки и служанки вокруг тебя бесполезны и не могут передать твои слова, всегда будет возможность, как сегодня, когда мы говорим напрямую.

Возможно, Ци Юйси не совсем поняла его слова, так как не отреагировала, зато окружающие, включая Цинтун, опустили головы в испуге. Императрица Ван же, опустив голову, недоумевала, чувствуя, что такие бесцеремонные слова скорее подошли бы Оуяну, а не нынешнему Ци Юньхэну.

Ци Юньхэн не стал объяснять, поняла ли Ци Юйси, погладил её по голове, велел ей спокойно отдыхать во Дворце Фэнци, а затем повернулся и, в сопровождении императрицы Ван, покинул западный павильон.

— Уже поздно, императрица, вам тоже стоит отдохнуть, — сказал он, выходя из западного павильона.

— Ваше Величество, подождите, — императрица Ван поспешила сделать шаг вперёд. — Позвольте мне высказаться относительно воспитания принцев.

— Говорите, — Ци Юньхэн спокойно посмотрел на неё.

— Старший и второй принцы уже достигли возраста для начала обучения. Прошу Ваше Величество выбрать достойных учителей, чтобы они могли передать им знания, — императрица Ван постаралась быть краткой. — Кроме того, хотя кровные узы сильны, их нужно поддерживать. Надеюсь, Ваше Величество сможет в свободное время проводить больше времени с принцами и принцессами, чтобы они могли радовать вас, а также чтобы избежать интриг среди слуг, которые могут льстить одним и унижать других.

Хотя императрице Ван было всё равно, какие отношения у Ци Юньхэна с его детьми, как императрица и мать всех принцев и принцесс, она несла ответственность, которую не могла игнорировать. Такие советы, как сегодня, могли не возыметь эффекта, но не сказать их было бы её упущением.

Но если акцент императрицы Ван был на первой части, Ци Юньхэна заинтересовала её последняя фраза.

— В дворце уже есть такие недостойные вещи, как лъстецы и унижения? — нахмурился он.

— Примером может служить ситуация с Юйси, — императрица Ван не ожидала, что Ци Юньхэн проигнорирует вопрос о воспитании принцев и переключится на это, но тут же нашла пример. — Даже я, императрица, смогла пополнить запасы угля во Дворце Фэнци только благодаря вашему сегодняшнему визиту. Обычно, не говоря уже об угле, отопление едва поддерживает минимальную температуру. Чтобы слуги не замерзали, я вынуждена была приказывать им собираться в нескольких комнатах, используя уголь для обогрева.

Услышав это, Ци Юньхэн успокоился.

В нынешнем дворце ничего не было в избытке, и Ци Юньхэн не хотел, чтобы и без того скудные ресурсы растрачивались впустую. Посоветовавшись с евнухом Вэй и другими, он решил через некоторых слуг сократить выделяемые ресурсы или снизить их качество, чтобы императрица и наложницы думали, что их обделяют из-за отсутствия внимания, и направляли свой гнев на лъстивых слуг.

Но даже при таком урезании ресурсов их хватало с избытком, если распределять их разумно. Никто не умер бы от голода или холода. Но если какая-то наложница хотела показать своё высокое положение, заполняя каждую комнату слугами и выставляя двенадцать блюд на каждый приём пищи, то последствия были её проблемой.

Ци Юньхэн усмехнулся.

— Императрица, вы учитесь жаловаться, как ребёнок?

— Прошу прощения за мою несдержанность, — императрица Ван поспешила опустить голову, изображая раскаяние.

— Вы не несдержанны, вы недостойны, — Ци Юньхэн слегка нахмурился, резко сказал. — Я учу Юйси жаловаться, потому что она ребёнок, и кроме выражения своего недовольства, у неё нет других способов решить проблемы. Но вы, императрица, другое дело. Как глава гарема и пример для женщин, если вы не можете справиться с интригами слуг, мне придётся задуматься, стоит ли вам продолжать нести эту ответственность.

Тон Ци Юньхэна был строгим, но императрица Ван услышала в его словах больше, чем просто упрёк — нечто похожее на обещание, то, что она сейчас хотела получить.

— Благодарю за наставления, — императрица Ван тут же поклонилась. — Я запомню их и не подведу Ваше Величество.

— Я буду наблюдать.

Закончив этот загадочный разговор, Ци Юньхэн не задержался, сел в паланкин и с большой свитой отправился обратно в Дворец Тайхуа.

Императрица Ван тоже не показала ни малейшего желания его задерживать, почтительно проводила его, а затем спокойно вернулась в свои покои, чтобы подготовиться ко сну.

Однако матушка Лань, одна из сопровождавших её с детства, не могла оставаться спокойной. Она подошла к императрице и с упреком сказала:

— Ваше Величество, как вы могли отпустить императора? После свадьбы он ни разу не

оставался ночевать во Дворце Фэнци, а сегодня, когда он наконец пришёл, вы даже не попытались его задержать...

— Матушка Лань, разве я должна объяснять вам свои действия? — императрица Ван холодно прервала её.

Когда императрица Ван вошла в дворец, она привела с собой двух матушек и двух служанок, названных в честь Мэй, Лань, Цзюй и Чжу. Но только две служанки были её верными спутницами с детства, а две матушки — одна от бабушки, другая от дедушки — якобы должны были помочь ей управлять гаремом. Если бы её родители не рискнули обвинением в непочтении, даже эти две служанки были бы заменены на красавиц, чтобы помочь ей завоевать сердце императора и родить наследника.

На самом деле, если бы не страх перед казнью за обман, её семья с радостью заменила бы её на кого-то другого.

Изначально семья хотела возвести на трон её младшую двоюродную сестру, которая была на два с половиной года моложе, но император Ци Юньхэн своим указом выбрал её, уже взрослую и ранее обручённую девушку из младшей ветви семьи.

Императрица Ван сразу поняла, что Ци Юньхэн выбрал её не из-за каких-то «старых чувств», а, возможно, с весьма зловещими намерениями, и даже не планировал, чтобы она родила наследника.

Но тогда у неё не было другого выбора, и ослушаться указа она не могла. Императрица Ван решительно вошла во дворец, считая, что этим оплатит родителям за их заботу.

Именно поэтому она несколько не торопилась с рождением детей. Ей ещё не было двадцати, и она могла подождать четыре-пять лет, прежде чем заводить ребёнка. Ци Юньхэн тоже не был старым — через десять лет ему было бы чуть больше сорока. К тому времени двое принцев уже выросли бы и стали бы жаждать власти. Независимо от того, назначит ли Ци Юньхэн наследника или нет, между ними неизбежно возникнет борьба.

Однако принцы, вероятно, не понимают, что их настоящий соперник — не друг друга, а их отец, который всё ещё силен и полон власти. Чем больше они жаждут власти, тем дальше они от трона. Потому что то, чего они хотят, — это именно то, что их отец не хочет и не может отдать.

В конечном счёте, борьба за власть — это как резать себе плоть: больно, опасно и может привести к смерти.

<http://bllate.org/book/16203/1454344>